

Боги болот никого не отпустят

В глубине сибирской тайги разворачивается война между двумя цивилизациями. Льется кровь. В ход идут хитрость, большие деньги. Корреспонденты «Новой газеты» прожили неделю на передовой и увидели, в каких муках рождается энергетическая сверхдержава

Лес. Дорога

Пока мы болтались на санях, прицепленных к «Бурану», мимо проезжали автопогрузчики, тракторы, автобусы с рабочими. Потом мы свернули в лес, вынырнули из леса, свернули обратно.

Все белое — и небо, и земля, и снег. На белом нужно искать белые льдины — это протаяло болото, «Буран» может уйти вниз.

Проезжаем сгоревший вагончик — партия геологов, приехавшая в окрестности Нумто 15 лет назад, с полевых работ вернулась на пепелище. «Боролись с русскими, препятствовали».

Лес снова сменяется тундрой — голый и пустой. На горизонте — два покрытых темной хвоей холма. Мимо тянется новенькая ЛЭП — пока без проводов.

— И днем и ночью работают. Две недели назад ничего не было еще.

У «Бурана» нагрелись поршни. Останавливаемся. Валерий Вэкович закуривает. Косится на холм.

— Я вам расскажу, вы не поверите. Это как легенда. Я его сам, своими глазами видел. Мне было 20 лет... Как я с вами разговариваю, так я с ним разговаривал. Скажете: так, просто!

Недоверчиво смотрит на нас. Потом говорит:

— Вот здесь недалеко у меня сестра была, ее бригада оленеводческая тут стояла. Вот я туда к ним приехал на оленях. Мимо оленей гнал, решил зайти. А то скажут: неприлично, даже чай не попил. До чума сестры не дошел, вдруг развернулся, обратно ушел. Сам себя не понимаю. На нарту сел и уехал. А потом очухался вот здесь, вот в этом месте.

И потом смотрю — он оттуда, с высокого места, прямо ко мне идет. Так же как человек выглядел, в белом халате только. Молодой... Говорит: ты знаешь, почему ты ко мне пришел? Я говорю: я откуда знаю, почему я сюда пришел.

Валерий Вэкович смеется неуверенно.

— Он со мной начал разговаривать. Как бы разговаривал. Я мысли, мысли его понимаю. Он сказал: «Ты мне когда-нибудь понадобишься, поэтому я тебя обратно повернул. А так бы ушел ты, домой приехал, немного побыл, и у тебя с головой... сумасшедший ты станешь. Мне тебя жалко стало, так как ты мне понадобишься. Когда-нибудь...» Потом утро стало, пока вот так мы болтали. Он говорит: «Все, домой можешь ехать. Оленей запрягай». Я ж их распрёг. Все, запрёг оленей. А когда он ушел... Мы же стояли напротив, разговаривали. Начал следы смотреть — ничего нету. Ха. Поехал обратно.

Вот я его и защищаю хожу. И когда мимо проезжаю, думаю постоянно — вот, вот он чего видел! А я ж тогда не понимал, что он говорил. Вот, может, он думал, что я его как-нибудь защищу. Верил в меня.

А пять лет назад... Вот метров 100 от холма, видите? Здесь они бурили. Они еще хотели метров на 200 вперед, на самый холм. Я объяснил их старшему — священное место мое, нельзя. И они чуть отошли.

Вот с тех пор сюда и хожу, семьей ходим, молимся постоянно. Вот этот холм, этот лес — священное место моей семьи. По-вашему — квартал 1432, выдел 23.

Молитва

Если посмотреть на эти места со спутника — ну или «глазным зверем» шамана — увидишь бурлящий кисель, кипящее варево, зеленую гущу, перемешанную с водой. Болота переходят в озера, озера заканчиваются тундрой, пересеченной тайгой, через землю под невероятным изгибом змеятся реки. Сюда можно добраться только зимой. Весной путь через болота будет пешим — 60 километров. Еще раз в неделю до деревни Нумто летает вертолет — 1,5 часа лету из ближайшего города, а занимать очередь надо с полуночи, и на борт попадают далеко не все.

Валерий Вэкович Пяк и его семья живут на территории природного парка Нумто. Он ненец, женат на хантыйке. Жили они здесь всегда, задолго до того, как тут появились русские. Ханты и лесные ненцы — два очень близких народа, и практически каждый местный говорит на двух языках, а молодежь еще и на русском. Нефтяное освоение пришло сюда, в ХМАО, в 70-е. Вначале осваивались другие районы. Парк вокруг озера Нумто возник в 97-м году, а в 2004-м «Сургутнефтегаз» получил лицензию на нефтедобычу. Сейчас на территории парка 89 скважин — со всей сопутствующей инфраструктурой. В планах — наращивать добычу, в том числе и у озера. Неожиданно нефтяники, привыкшие легко договариваться со всеми, наткнулись на сопротивление местных. Хантов и ненцев поддержал «Гринпис», и за несколько дней было отправлено 34 тысячи обращений в местный департамент природы.

Озеро Нумто — огромное, 56 квадратных километров, одно из самых больших в регионе. Оно священное для обоих народов. «Нумто» переводится как Божье озеро. По одним легендам, на острове живет Казымская богиня, грозная и мстительная, по другим — сам верховный бог Нум спускался здесь на землю, и вода залила

след его ступни. К озеру ездят поклоняться из соседних регионов, неделями преодолевая непреодолимые места. И конфликт из проблемы 200 жителей деревни и окрестных лесных стойбищ вдруг стал то ли национальным, то ли вообще — цивилизационным.

Ханты-Мансийск

— У нас в департаменте им никто больше не высказывает против. Они ждут не дождутся, когда я уйду на пенсию. Я им сказала: знаете, когда я уйду на пенсию, у меня будут еще больше руки развязаны. Я буду человек свободный. Джинна выпусти из бутылки? Точно так же я буду. Первое, как я уйду со службы, что я сделаю — напишу в прокуратуру.

Татьяна Павловна Меркушина, начальница отдела особо охраняемых природных территорий департамента природных ресурсов ХМАО, рубит салат и нервничает. Через несколько часов — самолет в город Белоярский, где пройдут слушания по изменению зонирования парка. Если зонирование изменится, нефтедобыча подойдет к озеру, и ближайшая разведочная скважина окажется в 15 километрах. За новое зонирование на слушаниях выступает ее непосредственный начальник, Евгений Платонов. Сама Меркушина едет как частное лицо.

— А не дать слово мне не имеют права. И ограничивать количество времени они не имеют права. Как меня вычеркнули? Меня вначале включили от научно-технического совета, потому что есть мнение ученых, и народ должен его знать. Платонов мне сказал: «Ты это не будешь говорить. Ты будешь выступать по дорожной карте». Я говорю: «Кому нужна ваша дорожная карта? Я по дорожной карте выступать не буду». «Значит, ты не будешь выступать», — и вычеркивает меня. Короче, у нас идет война не на жизнь, а на смерть. Либо пан у меня будет, либо пропал. Одно из двух. Кофе, чай?

— По Нумто какая ситуация. Когда мы готовили положение о парке, это был 97-й год, у нас в округе шла полным ходом геологоразведка, которая определяла размер нефтяных запасов. Нам сказали: давайте мы проведем геологоразведку и тут. И пропишем в положении о парке «разведку и добычу» только в виде исключения. А когда мы будем делать зонирование, мы это уберем. Хорошо, мы пошли на это, согласились, потому что запасы общие должны быть. Стратегический фонд — если запасы все иссякнут или на случай войны. Ладно, провели, законсервировали. В 2004-м к нам приходят — у них лицензия уже. Я говорю: на каком основании вы получили лицензию? С нами вы не согласовывали, с администрацией природного парка не согласовывали! «Нам дали». А в лицензии написано: «особо охраняемые природные территории отсутствуют». Почему им дали лицензию? Все знали, что особо охраняемая территория есть. И нет бы одну лицензию — им три дали, которые сплошняком пересекают природный парк! Я сказала: «Хорошо, лицензия дается вам на недра, как хотите, так и добывайте, а на земле работать вам не дам». Вот с 2005 года и начался у нас сыр-бор. Десять лет почти, да?

ДНС Ватлор-3

Татьяна Павловна смотрит в упор:

— Территория очень уникальная. Сходятся самая южная граница тундры, границы северной тайги, средней тайги, кедровники — они представляют альпийскую горную местность. Там нельзя вообще ничего трогать! Я была на проверке в 12-м году, в 13-м году, видела все это безобразия. Бульдозером ягодники сносят. Ездят вне дорог, по тундре, на

газушках, снимают полностью верхний плодородный слой, он сразу покрывается весь водой, по деревьям катят, по маленьким этим кедрושечкам. В парке лесозаготовки — появились шквальные ветра, а никогда их тут не было. Мы сделали рекультивацию, говорят. Они сделали осенью, а я приехала весной, в июне — вы знаете, вот такие кедрушки сидят, и все до одного желтые. Прошла по территории, где шламовый амбар, — ни

одного зеленого дерева. Я говорю: как вы рекультивацию сделали, если отсюда чувствуешь запах этой нефти? Приехала-то неожиданно. Я проезжаю посты, а мне вслед в рацию говорят: «Меркушина проехала, Меркушина проехала».

— Наш округ — он очень экологически подвержен, — говорит Татьяна Павловна, выделяя каждое слово.

Новое исследование, обосновавшее необходимость изменить охранные зоны парка, — оплачивалось «Сургутнефтегазом».

— Гидрографию не изучили, мерзлоту, породы не изучили, болота не изучили, растительный и животный мир никто не изучал. Проект делали ученые — Минаева и Сиринов. Они ни разу не выезжали на территорию. Наши ученые их раскатали просто. Сиринов в последний раз мне уже говорит: «Татьяна Павловна, вы поймите, если мы не сделаем экспертное заключение, как просит «Сургутнефтегаз», они нам не заплатят деньги». А что вы за ученый-лесовед тогда?

Слово «ученый» Татьяна Павловна произносит веско, с самой большой буквы.

Уже в дверях спрашивает нас:

— Почему губернатор так давит, чтобы добывать? У нас 534 млн гектаров в округе, из них 4 млн — особо охраняемые территории. Что, места мало — 530 млн га? Давайте проще скажем: как «Газпром» — хозяин ЯНАО, так «Сургутнефтегаз» — хозяин у нас.

Лес. Стойбище

Еще час по тундре, болотам и кедрачу, и под лай собак выезжаем к зимнему стойбищу семьи Пяк. Два низких сруба без фундамента — для семей Валерия Вэковича и сына Толи; баня с врытым в землю генератором, растяжка для шкур. Но главное место занимает огород — собранная из жердей ограда, в которой фыркают, дерутся, бродят сто сорок оленей — главное богатство семьи.

Оленей было двести, но сорок ушли в позапрошлом году. Еще двадцать пропали в прошлом, еще двадцать задрал медведь — бездумно, бессмысленно, тела покидал на землю. Прямо тут же, на жердях висят окровавленные шкуры — «за зиму я съел их».

У домика играет Анжель (Пятнышко) с тремя щенками — белая с черными пятнами собака. При виде хозяина начинает лаять и плакать. «Есть просит», — поясняет Валерий Вэкович. Из дома выходит Наташа, дочка, идет к коробу — за рыбой. Пятнышко срывается на визг. В голосе — глубокое отчаяние.

— Она вот оленей гонит, все время так лает, — хвастается Валерий Вэкович. — А ногу я ей в прошлом году на «Бурани» сломал. Она на «Бурани» сидела сзади, оленей гнали мы. И между сосен поехали, а нога, видать, наружу торчала. Ветеринара нету, а так зажило бы уже через столько-то времени. У нее голос хороший, оленей хорошо гонит, за это я ее и держу. Так бы вот повесил. А она и на трех ногах бегаёт.

Другую, «плохую» собаку Валерий Вэкович повесил прямо перед нашим приездом.

— Я щенков домой унесу, они дома кушают, — извиняющимся голосом говорит дочка Наташа.

В доме на стене — три ковра. Центральный — медведь с медведицей, кошка, дерущиеся олени. Заказывали на почте. Ковры, которые выглядят как украшение, на самом деле иконы. Выше — полка с медвежьей головой и лапами. У входа — веера из глухариных перьев, но это просто так, для красоты. Под потолком сушится одежда. На стенах — календари, конфетные упаковки, открытки с куполами.

Женщинам можно сидеть лишь по углам дома. Катерина, жена Валерия, — в фиолетовом атласном платье и в желтом платке — вытягивает пальцами белое. «Жилу делаю», — объясняет. Оленьими жилами «зашивают» кисы — длинные мягкие сапоги из шерсти оленя. Ноги оленя копят, чтобы шерсть с этих ног потом пришить к подошвам — к ней не липнет даже мокрый снег. Из шкур делают и малицы-шубы. Мясо одного оленя может две недели кормить большую семью.

Наташа «делает бисер» — расшивает полоску для тети на платье. Узор она уже придумала и расчертила на клетчатой бумаге, и теперь выбирает желтые крупные бусины. На платье у Наташи уходит где-то год. Сама она тоже в лазоревом платье, расшитом «березовыми ветками», «сердечками» и «солнышками». Швейная машинка стоит в соседнем доме.

— Муравейка подохла, все, — говорит Наташа и улыбается. — Мы голову ее нашли.

Муравейка — это личный олень Наташи.

Валерий Вэкович дома

Из всей семьи работает лишь Валерий Вэкович — старшим инспектором парка. Раз в неделю объезжает нефтяные качалки, маршруты техники и ДНС, дома других инспекторов. Нарушения записывает в общую тетрадь. Получает 15 тысяч. «Буран» и топливо для работы покупает сам. И завидует, и презирает хантов из соседнего, Сургутского района, которых нефтяники «уже давно купили вместе с их землей» — и которые теперь получают топливо и «Бураны» бесплатно. И продают независимым хантам и ненцам, и еще цены при этом задирают. «Вот Семен в гостях у нас, — Валерий Вэкович кивает головой ко второму дому. — Он даже горючки сам не купит! Кончится бочка — сидит на болоте, ждет следующую».

В соседнем доме — три медвежьих головы и люлька у потолка. В люльке гулит пятимесячная Даша. Толик, сын Валерия Вэковича, вместе с тестем Семеном вернулся с неудачной охоты. «Гоняли лису, гоняли, а она по руслу реки ушла». Толя не работает, всю его жизнь составляют охота и олени. Юля — жена Толика — быстро накрывает на стол, умудряясь при этом раскачивать люльку и подметать пол. Ее мама Тамара сидит тут же, с замотанной головой — нельзя показывать себя в присутствии зятя. По-русски она не говорит.

Двое старших Юлиных детей — трехлетний Лека и пятилетняя Лиля — носятся между домами с игрушечными пистолетами. «Русские не сдаются!» — кричит пистолет Леки. «Ждем подкреплений, командир! Кончаются патроны!» Лека не хочет умирать, Лиля сердится.

Толя выходит, стучит по «Бурану» ногой, потом берет в руки молоток. На бампере нарисован волк, рядом выведено — «Россия». Свой «Буран» Толя разукрашивал сам.

— Здесь болтается, здесь вообще кусок отвалился, здесь то же самое. Везде так гонять, конечно, развалится, долго не проживет. Это отец медленно ездит, не я. 240 стоит новый. Проще уж машину. Пошел на авторынок, за 100 тысяч купил. Но права нужны.

Осенью Толя собирается устраиваться в «Сургутнефтегаз» — оператором.

— Если ЛЭП достроят, будет бетонка, машину возьму, — говорит Толя.

Толя ловит оленя

Сургут-Ватлор-3

Дорога от Сургута до ДНС-3 занимает шесть часов. Идеальная трасса, освещен каждый сантиметр.

Ночь, но по трассе навстречу друг другу идут автобусы, ремонтные машины с решетчатыми мачтами на спине, АРОКи — грузовики с механической рукой, газовые цистерны. Из темноты выплывают горы песка — песок

выкачивают из маленьких озер, и озера становятся ямами в 2—3 километра глубиной. Дороги преграждают блокпосты с будками охранников, на будках — георгиевские ленты и распечатанное на принтерах: «Не воруй — ты здесь работаешь». Въезжающих и выезжающих проверяют. Дороги строят нефтяники, и принадлежат они нефтяникам. По правую и по левую сторону в темноте возникают ДНС и ГРС, напоминающие космодромы.

Водитель Юра везет нас на ДНС-3.

— Я тут как в раю, честно.

Вот поселок Сортым, где живу. Вахтовый поселок. Внучка в школу идет в этом году. В первом классе — классы до буквы «Ж». Крытый бассейн даже есть. А где я живу, два общежития рядом — и два фонтана. Для водителей два фонтана, да?

Конечно, болот много. Но своя красота есть. Вышки эти — как волшебные замки. В 10 утра солнце всходит за вышкой, и все вышки в инее, и все провода в инее, пушистые. Такая красота неопишная.

Я сам немного узнаю, интересуюсь принципом работы. ГРСки — газотурбинные станции, газ сжигают природный. Почему все освещенное — его тут море.

Я вот на днях с начальником электростанции разговаривал. 4 миллиарда оборот в месяц у него по стоимости электроэнергии. А сам простой мужчина с Башкирии

Работа, конечно, тяжелая. Но интересно, очень много интересного. Была б вторая молодость — пошел бы учиться на нефтяника.

Зарплаты, если честно, хорошие. Я в Омске работал. Водитель 1-го класса автобуса, я был наставником, все доплаты мне шли. Мы работали 15 часов в день. Тоже вахты. Неделю отработал — неделю дома. Я приезжал в 5—6 утра и в 22—23 уезжал. Ну, 20 тысяч я зарабатывал максимум. Сюда я приехал — смены у меня 6-часовые. Обед обязательно. Четыре часа в дороге — обязательный перерыв, тоже машинка следит. Здесь я получаю в три раза больше.

Толя загоняет оленей

Вот у меня сын тоже со мной работал в Омске, тоже в автобусе. Я отработал неделю — уезжаю домой, он приезжает. Так он еще выходил на подработку. Тоже 20 получал. А когда сюда попал, мне звонит: «Куда я попал! Болота! В июне приехал — тут снег в июне! Песок! Комары!» Месяц отработал, получил почти 70 тысяч. Без надбавок! Он за один месяц погасил все свои кредиты. Семью сейчас перевез. И я следом за ним.

Здесь главные лица — бурильщик, помощник бурильщика. Бурильщики — до 150 тысяч спокойно зарабатывают. И это справедливо. Труд их столько стоит. А мой труд стоит тоже дорого, не 20. Я вот не буду хвалиться. Я приехал в июне на вахту, в июле должен был ехать домой. Начальник просит: останься еще на выходную вахту. Я позвонил, согласовал. Отработал еще. И у меня вышло за месяц 115 тысяч.

Здесь очень хорошо, когда работа постоянная. Раз в два года бесплатный проезд — хоть за рубеж, хоть куда.

Конечно, есть некоторые, недовольны. Мне вот после Омска... Я здесь душой отдыхаю.

А ночи какие здесь белые! Июнь-июль. Сажу в машине, жду вахту, читаю книжку. Не поверите, даже в библиотеку записался. Начал «Сталкера» читать. И мне так нравится. Болота, приключения. Я со школы не читал. А нынче я страдаю — библиотека закрыта на месяц.

Ханты, ненцы... Ну да. Это же их территория считается. Не будет им вреда! Они ж имеют с этого всего. Льготы какие-то, цивилизация. Летом на «Буранах» ездят. По обочине песок — по песку. Не жалеют технику. Нас досматривают на постах, а им по барабану — их не досматривают. Одного поймали случайно — задвижки вез, которые трубы перекрывают. Здесь техника — все ж оставляют, все свои, кто возьмет. А этот раздербил трубы. Потом трубу прорвет — авария, а скажут на нас. Я даже уверен, что полицию не вызвали на него. Задвижки отобрали и отпустили.

Лес

Валерий Вэкович арканит оленя

Олени — не коровы, не устает повторять Валерий Вэкович. Им сена не накопишь. Стада оленей и лесные люди существуют в симбиозе много веков. Человек заботится о них, поэтому олени приходят к дому. Олень кормит и возит, поэтому человек о нем заботится. Но они независимы и друг другу не принадлежат.

— На самом деле их пастухи — это комары. Во время оводов олени каждый день уже в 4 часа утра приходят, под окнами стоят. Ну, дымокур делаешь — костер мохом закидываешь, и он дымит. Если погода тихая, метлу в руки берешь и начинаешь разгонять. Чтобы

распространился этот дым по всем оленям. А если ты метлой не будешь мести или крылом, дым будет вверх идти. Дыма нет — олень и не придет. А осенью тебе надо рыбу поймать, заготовить, чтоб зимой сам кушал и оленей еще кормил. Все надо успевать. Если их не кормить, не заботиться о них, они тоже от человека не зависят! Они ж полудикие! Им от человека ничего не надо. Просто разбредутся кто куда.

Когда рождается ребенок, ему дарят оленя. Олени есть у каждого члена семьи. Но распоряжается ими только Валерий Вэкович. «Умру — тогда хоть что. Хоть дети их зарежут и деньги на карточку закинут — мне все равно».

— Раз нефтяники сюда придут, придется их всех забивать. Негде будет выпасать. Если оленей нет — разницы мне нет, где сидеть, хоть даже на нефтекачалку любоваться.

— Если снег выпадет, а оленей нет, мне уже не по себе, — говорит Катерина. — И детки говорят — давай скорей загонять.

— Куда я пойду, мне придется в Кремль ехать, — продолжает Валерий Вэкович. — А чего делать? Путину оленей пригнать, сказать: негде им жить, придется с тобой поделиться. А он скажет: зачем мне олени, мне нефть нужна, а не олени ваши.

Наташа выгоняет стадо

Огород открыт, бежишь кругом, и стадо приходит в движение. Олени шумно дышат, тех, кто тормозит, другие подталкивают безрогими лбами. Беременные важенки тяжело переступают на ножках и сомневаются — идти ли.

Наташа выгоняет стадо. Бежит за оленями, машет рукавами куртки, как большая птица. «Ай, ай! Ууууут!» Олени серым, белым, бурым потоком несутся мимо нее, смотрят умными глазами, хитрят, остаются сзади. Прячутся за сугробами.

Один остается привязанным: «Обучать будут».

Наташе и оленям весело.

— Вообще проваливаюсь! Ой, важенка! Это она обратно побежала. Она рыбы хочет. Она рыбы хочет. Хитрая. Пока рыбы не дашь, не уйдет.

Самой Наташе 19 лет. Из-под платка выбиваются совсем светлые волосы, она «йенкух» — белая голова, как мама, как брат, как дети брата.

— Ата-ата-ата! Иии! Ааааа! — хлопает в ладоши. Олени порскают, но лениво, в последний момент. И совсем Наташу не боятся. Зато боятся остаться одни. Если один олень шагает вперед, остальные рано или поздно пойдут за ним. Еще немного боятся черной Наташиной куртки — вдруг медведь. Но всматриваются и успокаиваются.

— Лысый, видишь? Это у него рога отпали. Это моего братишки бык. У меня Буранчик, Яха — это по-хантыйски, Муравейка. Сегодня ее нашли, Муравейку мою, голову лишь ее нашли сегодня. Важенка, умерла которая.

Смеется.

Наташа училась в интернате в селе Казым девять лет. В лес приезжала трижды в год, на каникулы. Родители говорят, Наташа в интернате совсем не плакала, а все рассматривала окна — в лесных избушках они совсем маленькие.

— В интернате было плохо. Я им говорю: домой поеду, в лес поеду — они смеются.

Однажды отец собрал документы и повез Наташу поступать на биофак.

— Ну, приехали в Сургут, побыли два дня. Я говорю: пап, как там олени без нас? Поехали домой.

ДНС № 3, Ватлорское месторождение

ДНС-3 выглядит как кусочек Норвегии. Большие дома с двухскатными крышами (каждая огорожена бортиком), яркий пластик, вычищенные дорожки, вышки, раскрашенные нарядными красками. Перед корпусами — стоечки для цветов, отведенные места для курения. В столовой — разнообразная и вкусная еда, в корпусах — объявление о летнем отдыхе: семь санаториев на выбор.

Одновременно здесь живут и работают 250 человек. Всего в «Сургутнефтегазе» работают десять тысяч.

Саму ДНС — и общежития вокруг — начали строить в 2008 году, когда 36-й куст показал новое месторождение.

— Мы прямо напротив сидим. Самый старый куст, да. Оно же обычно так и делается. Еще нет ничего, никаких коммуникаций — но бурится скважина. Че-то показала. Две-три скважины разбурили — и в принципе все, есть смысл разрабатывать. Строят ДНСку, общежитие, вот эти все условия создают, и отсюда уже пошли дальше — хоп-хоп-хоп — бурить.

ДНС — это дожимная насосная станция. Выкачанное из земли по трубам приходит сюда, разделяется на нефть и воду — вода идет обратно к скважинам, нефть отправляется по трубопроводу на дальнейшую очистку.

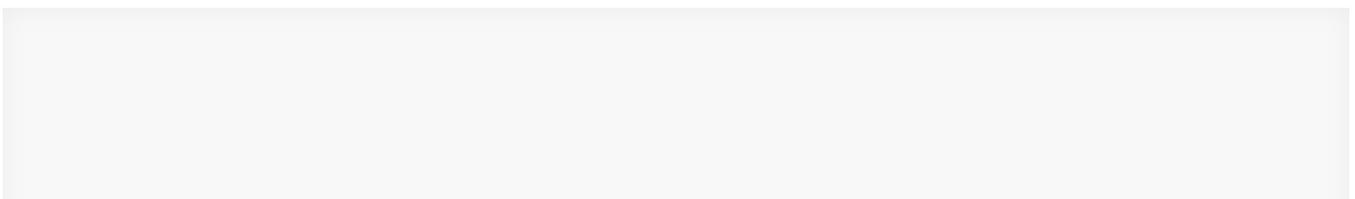
Валерий Вэкович
осматривает нефтяную
скважину

Операторы курят у столовой и обсуждают Комарова, которого надо «закопать в сугроб, чтоб не выживался и трудился, как полагается». На снегоходе подъезжает повар Руслан — у него сейчас выходной, приехал по делам. На ногах у Руслана кисы, поверх камуфляжа — кожаный пояс. Его жена — хантыйка, и Руслан старается соблюдать местные обычаи. Его тут же окружают и требуют отменить выходной: «Покорми нас нормально, второй день не суп, а ужас». Руслан отмахивается и грозит приготовить жаркое из собаки.

Про конфликт вокруг озера здесь слышали, но немного, к коренным относятся вежливо-настороженно. В декабре в соседнем Ямале ненец расстрелял двух сотрудников «Газпрома», «одной пулей две головы», про это слышали все.

Бытовых конфликтов стараются не допускать вообще. За рыбалку или охоту — даже за сбор ягод, если попадешься службе безопасности, в лучшем случае заплатишь корпоративный штраф. Каждого сотрудника ДНС заставляют сдавать экзамен на знание обычаев и табу коренных народов. «Не фотографировать, не снимать, ничего не делать, — лениво перечисляет комендант Алина. — Женщинам вообще лучше к ним не ходить, к женщинам там плохое отношение. А вообще это бред, конечно. Вот к нам парень-хант пришел обходчиком устраиваться, его тоже заставили экзамен сдавать. Ему вопросы задают — а он ничего не знает, мямлит. Бригадир разозлился: «Из-за тебя же учим, а сам не знаешь ничего!» Ну и выгнал.

Лес

Лесное стойбище.
Перед сном

— Люди жестоко убили много животных. Больше, чем им было нужно, больше, чем им было дано. И бог решил наказать и отправил каменного медведя. И он наказал, убил этих людей. Но и его тоже не простой человек убил. Медведь-то весь каменный был. Все туда налетают, стреляют, справиться не могут. Он все топтает. Потому что надоело дураковаление тоже. Потом два бога вышли — один

зятчем другому был. Они спрятались, смотрят: медведь шагает, и смотрят — одно место есть, где камня нет, туда рубанули. Мне отец рассказывал. Потом голова отлетела — а он без головы шагает. Потом где лежит — там лесочки образуются, маленькие борчики, где он отдыхает. Потом он пошел-пошел, и в речку провалился. И отец раньше говорил — вот так хореем стучат, слушают, а камень слышно было под водой.

Катерина до замужества жила на стойбище рядом с деревней Федоровка, у озера Имлор. Это — второе священное озеро на землях хантов, второй след бога Нума на земле, но его священный статус был официально закреплен только в 2012 году. За 30 лет до этого советская власть устроила на озере один большой лицензионный участок. «Сургутнефтегаз» продолжил добычу.

— Отец уходил с Имлора последним, в 81-м, весной, — говорит Катерина. — Все уже уехали, никого не было. Там освоение уже шло, уже факелы горели. Потом Новую Федоровку построили, там уже 9-этажки. На каменного медведя буровую поставили.

Отец Кати был шаманом. Об этом не особо говорят — местных шаманов в советское время арестовали почти всех, некоторых расстреляли в Тобольской тюрьме, остальные пропали в лагерях. Сейчас используется слово «хранитель». Озеро не может оставаться без хранителя, и, когда Катин отец уехал, по здешним законам на Имлор приехал Сергей Кечимов. Про него говорят: «человек без судьбы» — сидел в тюрьме по ложному обвинению, потерял жену (ее задавила техника нефтяников), мотался по поселкам.

— Сейчас он это озеро защищает. Середина — это остров — хотели буровую туда прямо поставить, а он не пустил. Там у него какие-то конфликты с нефтяниками.

Конфликты — мягко сказано. Шаман Кечимов сейчас находится под судом: сотрудники «Сургутнефтегаза» обвинили его в угрозе убийством. Сам шаман говорит, что лишь застрелил собаку нефтяников, которая убежала с буровой и предположительно загрызла оленя. Потом в лесную избушку пришли полицейские с бумагой. Кечимов говорит: думая, что расписывается за смерть собаки, взял на себя «все это». Сами нефтяники говорят, что Кечимов действительно приходил на буровую с ружьем — пьяный и с материальными претензиями. И полчаса держал заместителя управления по производству и еще 20 нефтяников на прицеле.

«Нельзя местным пить, нельзя. Может, он сам и не помнит ничего. Да видео в интернете есть». Видео действительно есть. Качество низкое, лица людей не разглядеть. Мужик в камуфляжных штанах уверенно и спокойно держит под прицелом человека в костюме, замершего у «Инфинити». Этот вооруженный мужик кажется трезвым. Кричит: «Уйди! Нашу землю почему трогаешь? Уйди на хрен, живой, по добру!»

Белоярский. Администрация

Любовь Альфредовна Малышкина, начальница управления экологической безопасности и природопользования «Сургутнефтегаза», приехала в Белоярский на слушания. Во главе целой делегации из заместителей, специалистов по взаимодействию с коренными жителями, а также ученых. После слушаний она улетит обратно в Сургут, а оттуда поедет в Ханты-Мансийск — вести прием граждан. Уже 10 лет она депутат «Единой России» в парламенте округа. В «Сургутнефтегазе» она работает с 79-го года, приехала из Тобольска сразу после института.

У нее жесткое волевое лицо, которое она умело смягчает улыбкой. Она больше похожа на американского политика, проходящего через постоянное сито праймериз и прессы, чем на отечественную бизнесвумен. Говорит тихо и как бы растерянно, голос — душевный и доверительный, но взгляд остается внимательным. Ее зарплата — одна из самых высоких в компании, а пост — самый ответственный. В сети лежит ее декларация депутата, за 2014 год она заработала 14 миллионов рублей.

Она легко признает довольно болезненные для компании факты — три разлива на территории парка — в 2007 и 2011 годах. Легко признает, что новое зонирование заповедника оплачивала нефтянка, «по поручению департамента экологии, конечно». Сетует, что, когда парк создавали, с нефтяниками «не договаривались»: «С нами, с владельцами лицензионного участка, это зонирование не было согласовано, к сожалению».

Из разговора с Малышкиной выходит, что в истории противостояния местных и нефтяников «Сургутнефтегаз» — безусловная жертва. «Мы не можем уже 15 лет реализовать ту задачу, которая стоит по лицензионным соглашениям», — говорит она. При этом ценность новых скважин, за которые идет война, с ее слов, небольшая: «Там нет вот такой огромной залежи нефти. Конечно, если бы был там второй Самотлор (самое крупное месторождение в России. — Е.К.), хорошо бы было. Все геологи ХМАО мечтали бы об этом. Но, к сожалению, этого нет. Там пятнышками идут те ловушки, которые содержат нефть в промышленных запасах».

Спрашиваю, думали ли отказаться от этого лицензионного соглашения? Любовь Альфредовну заметно передергивает: «Нет, от лицензионного соглашения не отказывается никто. Найдено месторождение, вложены деньги, инфраструктура есть, вовсю ведется добыча».

Малышкина рассказывает мне про нелегкий быт жителей деревни Нумто: люди живут без постоянного электричества, «можно сказать, при лучине», у них нет и питьевой воды, нет скважин. Зато от нефтянки они теперь получили и фельдшерско-акушерский пункт, и магазин, и даже клуб. И количество коренных растет, и притом растет такими темпами, «которые говорят как раз об отличных условиях». И это именно нефтегазовый комплекс помог, у него есть средства — в том числе поддерживать и их традиционный уклад.

Жертва темному богу

— Вот Василий Пяк — мы разговаривали с ним, и очень даже хорошо. Он сказал: «Я тут теряю, так нельзя». Его стойбище перенесли на новое место, куда он указал. Компенсировали стоимость работы, выделили стройматериал. Вот Кечимов жалуется на «Сургутнефтегаз» и поднимает вопрос про священное озеро Имлор... Но то, что оно священное, установлено недавно! А там 30 лет добыча ведется. Мы же с ним

разговаривали, мы сделали все так, как он сказал. Одному коренному жителю нужна вот такая мера, другому коренному жителю — другая. Приходится с каждым искать компромисс. Мы огораживаем на кусте все траншеи, все емкости, чтобы, не дай бог, олень не упал туда...

По мнению Любви Альфредовны, конфликт вокруг добычи в Нумто — искусственный и раздут «Гринписом»: «Коренному жителю сказали, что все будет плохо сейчас, если изменят, и он, естественно, говорит: «Нет. Я против, я не хочу изменений. Мне страшно». Хотя современные технологии позволяют развивать добычу, сохраняя при этом традиционный образ жизни местных.

«Я в Канаде была в национальном парке. Там дорогами все испещрено. Возят туристов, показывают. И куропатки сидят вдоль дорог, и лоси вот прямо рядом — бой самцов ради лосихи мы наблюдали сами. Никому инфраструктура эта не мешает. Она даже позволяет управлять территорией. Вот не было у тебя ничего, только вертолетом все. И появилась дорога, люди могут выехать, могут попасть в больницы. Дороги — это благо, которое коренные жители понимают. Но люди уже запуганы...»

Спрашиваю Малышкину, верит ли она, что озеро действительно священное. «Однозначно верю. Мало того, мы совершенно точно это знаем. Но добыча его самого, озера, даже не коснется».

Лес

Семен и Даша

Самое крупное в истории хантов и ненцев восстание происходило тут же, в этих же лесах, и получило название Казымского. В царское время местные ненцы и ханты с русскими практически не пересекались — с тех пор как Ермак добрался до севера, платили оброк пушниной и в города не выезжали. Но в 30-м году большевики решили строить прямо в лесу культбазу, чтобы просвещать темный туземный народ. Следом — лишили права

голоса шаманов и кулаков, «назначили ясак» — сбор рыбы, пушного зверя. Затем — отобрали оленей, а детей принудительно забрали в свежестроенный интернат. У сопротивляющихся новым порядкам отбирали ружья, что в условиях леса значило смерть от голода или от зверя. Затем власти решили начать промышленный вылов рыбы на священном озере Нумто.

Восстание началось с камлания шамана. Осенью 33-го в лесном святилище Лунх-Хоть секретно собрались 30 казымских хантов. Шаманы Молдановы принесли от Нума весть, что скоро на смену советской власти снова придет власть царская.

Советская власть, не ведающая об известии от Нума, продолжала отсылать в леса делегации переговорщиков. Когда очередная группа из пяти человек прибыла в деревню, их схватили. Ханты и ненцы составили требования к новой власти — снизить налоги, насильно не собирать детей в школу-интернат, отпустить четырех прежде арестованных кулаков. На выполнение требований давали месяц — письмо отправили с гонцами. Избитых и связанных заложников затащили в чум, вновь начался обряд гадания «на топоре». И бог потребовал смерти русских. Русских посадили на нарту, обвезли вокруг священной сопки и задушили веревками.

В леса были направлены бойцы ОГПУ: началась полномасштабная зачистка. Сохранились документы, требующие обмундировать чекистов кисами — иначе передвигаться было невозможно. Вообще зачистить местные леса и болота оказалось непросто. Люди вспоминают, что из-за отсутствия дорог советская власть активно использовала аэропланы и бомбы. В аэропланы стреляли из ружей. По официальным данным, было арестовано 88 человек. Идеиные вдохновители восстания разом погибли в тюрьме от сердечного приступа, 11 человек было расстреляно, остальные поехали в лагеря.

Валерий Вэкович, как и все здесь, — потомок выживших. Рассказывает:

— В 35—37-м году восстание, что ли, было. Вот на верховье реки Казым ненцы соединились и с красноармейцами воевали. Моему отцу было 11 лет тогда. 11-летний — не ребенок, а мужик. Он в атаку не ходил. У каждого ненца тогда оленей было! У отца оленей было 300 голов. Им оставили 30. А 270 — это государству, государственные олени считаются. А я, говорит, туда просто смотрел и плакал. Что я мог сделать? Так и увели оленей. Они детей в школу собирали.

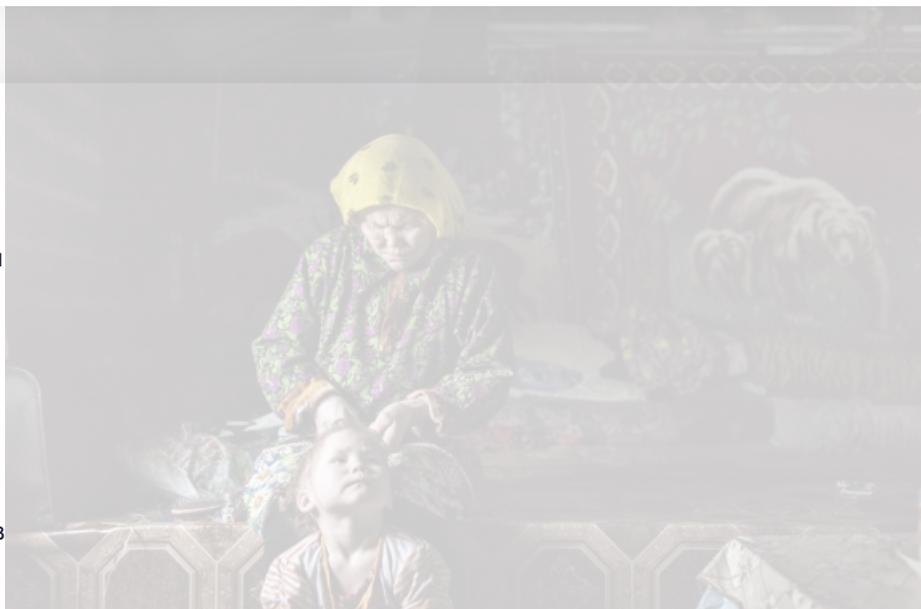
Наши люди думали, что детей насовсем забирают, навечно. Как оленей. Тут просто их спровоцировали, и все. Им объясняют, а они по-русски не понимают. Учительницу привязали за волосы сзади нарты и давай на оленях катать, а она сзади по земле тащится, пока скальп не спал.

Катерина и Лиля

А потом настала советская власть. На месте вольных оленьих стад и лесных угодий создали колхоз, затем совхоз — и 11 оленеводческих бригад выпасали оленей — бывших своих, теперь — государственных. К учету отобранных оленей власть подходила очень строго.

— Раз пять человек, пять братьев — как-то мне мать говорила — охотились за озером Нумто, на

севере. Там государственные стада оленей были. Несколько оленей отбились и к ним попали. А после войны было. Все голодные. И они забили этих оленей. То ли пять, то ли шесть пропало. И потом пастухи поймали этих братьев. Предали суду. Их всех забрали и бесследно исчезнули их. Ну, за пять оленей! Ну, пусть по два

оленья вернут государству, зачем исчезать целого человека из-за одного оленя!

3 июня 1960 года бригада бурового мастера Семена Урусова нашла нефть в районе поселка Шаим. «Скважина фонтанирует, — телеграфировал в Москву начальник экспедиции Шалавин. — Точный дебит определить невозможно».

И приоритеты «власти русских» поменялись. Олени их перестали интересовать.

Ханты-Мансийск

Бар Soho lounge, самый приятный в Ханты-Мансийске. Отдельным кружком бухают нефтяники — в спортивных пуховиках поверх костюмов, кирпичи спутниковых телефонов лежат рядом с тонкими айфонами.

— Скажешь, что оно божественное — заплатят больше. Вот и все.

— Я «Сургутнефтегазу» сочувствую. Местные — это ***.

— Они язычники и всегда были язычниками. У них каждое озеро — священное, понимаешь, в чем фишка? А в 90-е было еще веселей. Они в Тазовском районе по шинам стреляли. Браконьеров запутывали в сетях и оставляли в речках, и это не считалось убийством. Ты идешь по лесу, думаешь — он ничей, а он ихний. Но это не повод убивать людей.

— Они играют в дикарей. А посмотрите, что у них за чумами. «Ямаха», «Хонда», телевизор, айпады заряжают. Это в 90-е с ними договаривались за деньги, за алкоголь. Деньги им уже не нужны, они хотят другого. Они неплохими бизнесменами стали за 20 лет.

— Я же не буду храмом Христа Спасителя торговать, это для меня священное. Вот скажут — продай за 100 миллионов гроб Господень.

А если торги начинают — это не религия, это коммерция. А значит, можно выбить хорошую скидку.

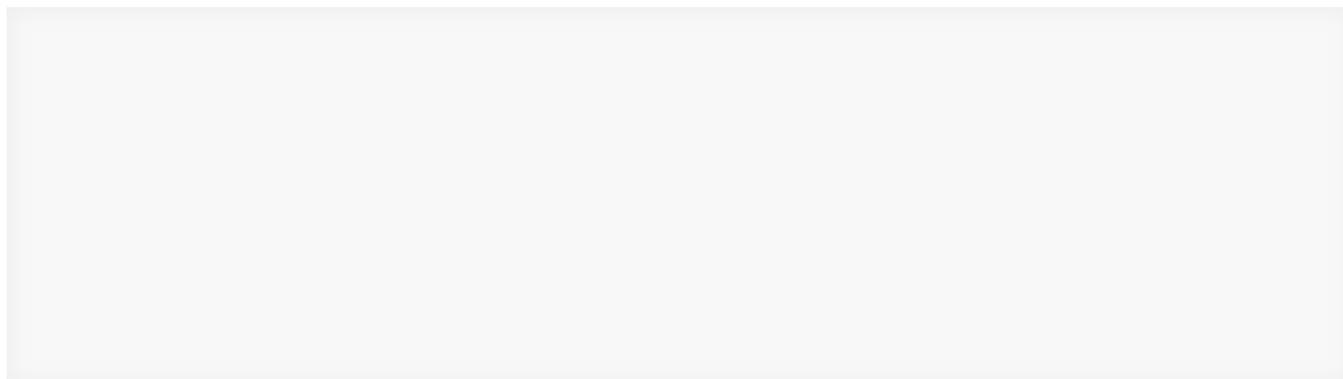
У нас тоже есть сотрудники-ханты хорошие, ребята работали, на переговоры по стойбищам ездили.

— Я с 92-го года работаю. Договариваться получалось везде. Полгода-год. Сценарий там всегда один. Бизнес скажет — 100 миллионов, хант скажет — 300. Палец в нос засунет, мозг себе почешет и скажет через год: «Давайте 100» — но бизнесу уже неинтересно. И сговорятся на 50.

— Бизнес — это как снежный ком. Он должен катиться, иначе рассыплется. Он больше и больше души потребляет, больше денег. Если остановится, начнет таять.

— Надо смотреть, на что ориентируется государство. Ненец хочет поклоняться озеру своему, но если под этим озером 300 миллионов тонн нефти? И миллион тонн газа. И можно дать что-то Воронежу, где нефти нет.

Лес

Катерина и Валерий ровесники, им по 59 лет. Женаты — 40. Валерий привез Катерину из Федоровки, за 300 километров. До свадьбы они были незнакомы.

— Туда я приехал, она мне понравилась, я ей, наверное, понравился, и она сразу замуж вышла. Ханты было к ней сватались — она не хочет выходить. Потом ненец появился, она сразу села в мою нарту.

Катя смеется.

Сватовство происходило в 75-м году.

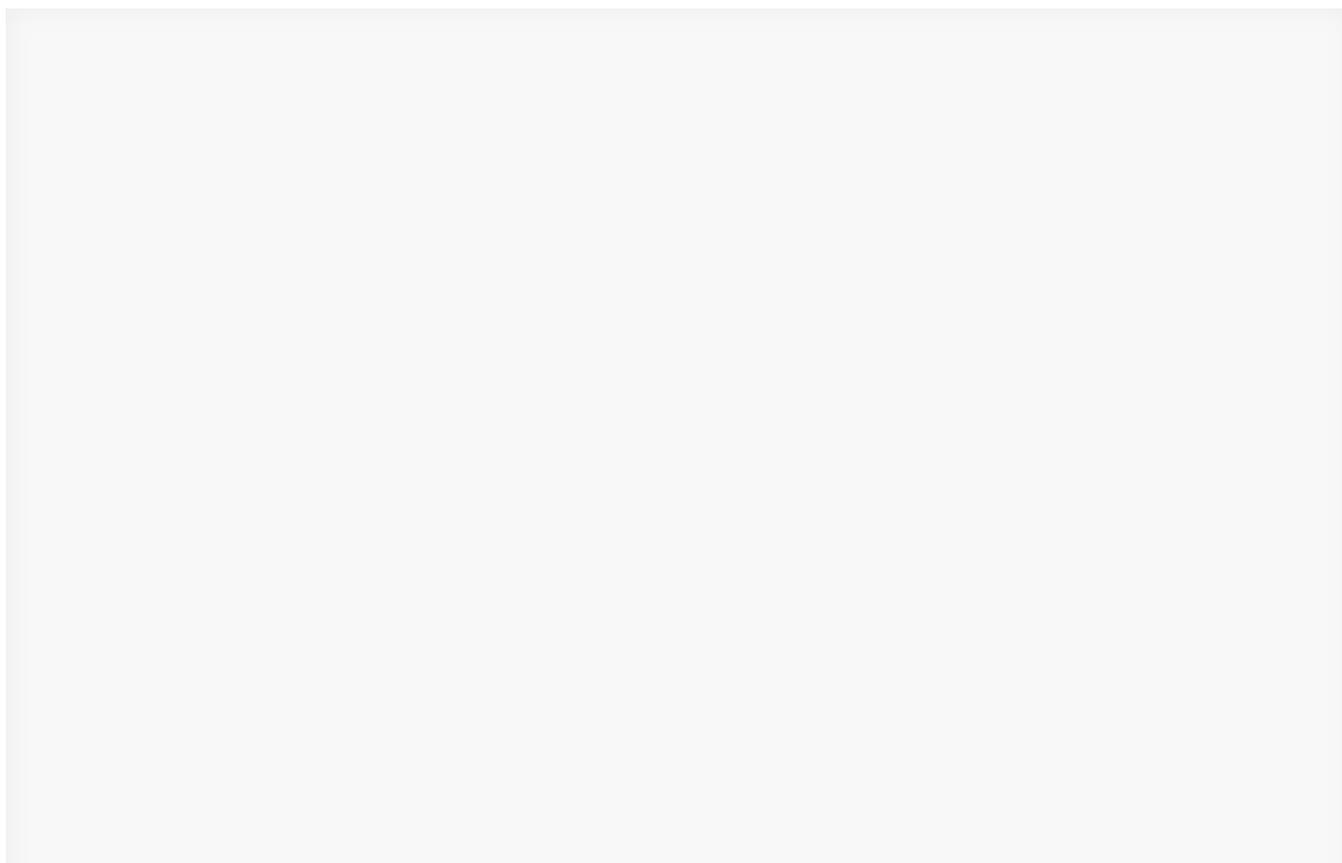

— Я уже понимал, что я еду туда, в Сургутский район. Именно свататься. С бабушкой покойной ехал. Наши девушки тут хотя были, но наши так, не сильно. Нетрудолюбивые немножко.

У хантов и ненцев понятия о женской красоте нет. Невеста должна быть трудолюбивой и здоровой. Трудолюбие невесты показывает ее одежда. Трудолюбие, а значит — красоту замужней женщины показывает одежда ее семьи. Поэтому сейчас Катя шьет и шьет кисы для Наташи, разравнивая зубами непослушный шов. Кисы для Валеры уже готовы.

— Шиться и то не умеют, — говорит Валера про местных женщин. — А сургутские лесную работу всю понимают. Но так и у них сейчас пошло. А наши уже тогда лесной работы не хотели, потому что они, когда учатся, уже замуж за русских стараются выходить. В лесу работать надо. Дрова колоть надо, все надо делать. Уже не хотят! Так-то.

— Когда у меня мать умерла, мне 12 лет было, — говорит Катя. — Сестренка осталась еще, семь лет. И нас отец учил всему. И дома как что делать, и шиться, и шкуры выделывать учил, и как оленей держать, как собирать — все он учил нас.

Катерина

— А сейчас в деревне у нас вместо того, чтобы шиться, они кино-телевизор смотрят, — говорит Валера. — Зачем? Это уже цивилизация.

Входит Юля, просит «шант».

— Какой шант? На болоте шант, — говорит Катя.

Шантом ненцы называют ягель, иногда и муку. Юля, оказывается, перепутала слово — просила макароны. Забирает кулек, уходит. Катя цокает под нос. «Я, когда первый раз сюда приехала, по-ненецки вообще не понимала. Через полгода уже говорила. Юля — четыре года будет, по-ненецки только отдельные слова понимает. Не может выучить!»

Юлю — жену сына Толика — не любят. Про это в семье стараются не говорить. Во-первых, неумеха: кисы шить учи ее, хлеб печь учи ее. Во-вторых — никак не может выучить ненецкий. В-третьих — досталась уже с ребенком, после первого замужества.

— И Толик так же, как я, женился. Поехали в Рускинские, сосватались, забрали ее. Они встречались так-то. Когда маленькие были, они друг друга знали. Юля — Катиной сестры внучка. Они так-то двоюродные друг другу.

— Я говорю — вы согласны или нет? — вспоминает Катерина. — Чтоб она поехала с нами. Мы свататься приехали. Нет так нет, обижаться не собираемся. Если они согласные, они уже отдают. Если она несогласная, она отцу сразу скажет — я не выйду замуж! Мы б уехали. Поехали бы дальше к соседям.

Юля в момент сватовства лежала с маленькой Лилей в больнице. Когда вернулись, ее родители уже «выпили» со сватами — договор был заключен.

— Это пока сохраняется все. Поколению от поколения передается, — говорит Валерий Вэкович. — Если цивилизация — конечно, уже все смешается. Сейчас уже — тут и русский жених, тут и хохол. За 15—20 лет

смешалось все. А раньше и дорог-то не было, какое замуж.

Юля относит макароны и уходит колоть дрова — это женская обязанность.

Важно заготовить дрова на все четыре дома семьи, разбросанных по лесам: зимний, осенний, летний и дом в Нумто. Скоро снег тает, и почти до осени нельзя будет проехать ни на «Буранах», ни на оленях. Если сейчас не заготовить дрова, придется мерзнуть. За дровами уезжают в лес, меня не берут. «Русский» закон требует от ненцев вырубать дрова делянками. Для лесных людей дико вырубать сплошной участок леса, поэтому деревья рубят выборочно, желательно — сухие, желательно — чтобы дерево при падении не повредило даже подлеска. Две недели назад за незаконную рубку посадили двух братьев в соседнем Сургутском районе.

Деревня Нумто

На окраине заметенная снегом вертолетная площадка — выложенный из дерева круг. Вторник — вертолетный день. Вертолет привозит продукты и пенсии, забирает тех, кому нужно в город.

Единственная улица идет прямо к озеру. Озеро — бесконечное белое пространство. Краев просто нет.

К деревне Нумто приписано 220 жителей. Но домов всего 70, из них постоянно жилые — 18-19. Остальные живут в лесах. Дома разномастные, совсем разных эпох — свежие постройки из пиломатериала нефтяников, щитовые домики, старые, разрушающиеся «лесные» землянки. Мелькают как мираж и типичнейшие срубы средней полосы. Местные говорят, их построили русские лагерники, которых перед войной ненадолго «пригоняли» в поселок. Сами ханты строить дома не умели.

В поселок вместе с нами въезжает другая лесная семья. Мужчины в камуфляже, подпоясанные ножами, и завернутый в одеяло и шкуру ребенок. Ребенок заболел, его по зимнику повезут в Сургут. Всего по стойбищам 35 детей, в деревне 27. Дети здесь считаются детьми только до шести лет — дальше интернат, «и они уже не наши».

Раньше в Нумто был приемный пункт рыбы, звероферма (разводили лис и соболей), совхоз с лошадьми, столовая, интернат и начальная школа. Теперь не осталось ничего. Девяностые здесь объясняют так:

Казымская богиня перешла озеро и стерла советские следы.

Священность места не чувствуется совсем. Язычникам не нужно ни храмов, ни икон.

Два раза в месяц в Нумто приезжает «поп-миссионер». Покрестить аборигенов. Аборигены охотно крестятся. Христа называют «русский бог» и очень уважают: «Бог христианский — он может воевать под землей, с чертиком, а наши боги не могут. И он всегда воскресает».

Магазин — центр жизни деревни — выглядит как крепость, все окна забраны решетками. Работает три часа, но вообще продавщицу можно звать в любое время дня и ночи. Продукты завозят на вертолете, по 200 кг за раз — яйцо, лук, картофель. Галина, продавщица магазина, 28 лет в торговле и в деревне, говорит: «Я калькуляторам не верю, верю в счета». Под локтем — расчетная тетрадь: сейчас ей должны 170 тысяч. Магазин входит в Роспотребсоюз, заказать можно все. «Продукты, памперсы, диваны. Мебель вся — есть кухонный гарнитур, электроника, хоть морозильная камера».

«Алкоголь — я не беруся. Можно пиво. Но я не беруся», — говорит Галина.

Рядом с магазином — клуб: изба на печном отоплении. Вокруг клуба уже залит фундамент — клуб будут расширять силами «Сургутнефтегаза».

То, что скважины движутся к озеру, тут, конечно, знают. Но основная претензия к нефтяникам — до сих пор не протянули электричество. Все село питается от генератора. Генератор работает девять часов в день, а когда дизелист запивает, не работает вообще. Поэтому холодильники стараются покупать большие — чтоб не успевали оттаивать.

Медсестра Эльвира
Пирогова, деревня
Нумто

Медсестру Элю из поселка Казым направили сюда по распределению — полтора года назад, сразу после декрета. «Никто не хотел ехать, говорили, что деревня самая криминальная. Тоже страшно было сначала.

Потом уже привыкла». Недавно вся деревня массово закодировалась, и «вообще теперь тишина».

— Поначалу, конечно, было страшно. Все эти ножевые... Тем более если ночью, света же нету. Фонарик держишь и зашиваешь. Зашила, на крышу лезешь — вертолет звать, связь же тоже не везде ловит тут.

За пациентами Эле приходится побегать: «Народ, кто лесной, кто в деревню приезжает — не проходят флюорографию, все заставляешь их. Летают в город по своим делам — а пять минут на флюорографию не могут задержаться! И с прививками... Редко когда там с ребенком приедут. Вот вылавливаешь, стараешься поставить. А с города звонят: «Вот, если не поставите, вплоть до увольнения. Хоть на «Буране» в лес едите». Говорю: «Ага, дали бы мне «Буран», бензин, чтобы я ехала. Еще знать бы, в какую сторону ехать».

Самое опасное время — оленьи гонки. Гонки проводятся на озере, километровая дистанция, у финиша нарты сталкиваются, и часто получается месиво. Главные призы опытным оленеводам — «Бураны», моторы, та самая «цивилизация». В соседнем Сургутском районе призы еще лучше — можно выиграть дорожный «длинный буран», и сейчас Толик тренирует оленя, собирается в поездку.

Но гонки опасны не из-за травм. Национальный праздник, который спонсирует тот же «Сургутнефтегаз», превращается в страшную пьянку.

Семь лет назад у Валерия Вэковича в Нумто убили племянника: «С утра выхожу, а он мерзлый у колодца лежит. Его раздели, на «Буране» катали, а потом через забор перебросили»

Теперь оленьи гонки проводят только раз в два года, и Эле стало проще работать.

— Всего два ножевых и огнестрельное одно за полтора года. Ну, оленьи гонки были, думаю, схожу посмотрю. На крыльцо только вышла — блин, сразу ножевое. Вот, забегали, вертолет прилетел, отправили в город. Так и на праздник не сходила.

Остров в центре священного озера Нумто. Валерий Вэкович Пяк оставляет белую ткань для верховного бога Нума. И не проваливается в глубокий снег

Лес

— Вот я первый год училась в Русскиных, потом в Лямине, потом в поселке нефтяников. Доучилась четыре класса, до конца июня. И родители написали заявление, что я дома работать буду, маме помогать. Чтоб традиционный образ жизни вела... Но с родителями мало пожила, в 16 замуж вышла. Отдали меня. Не знала его совсем, не знала, откуда он.

За первым мужем была. Он водку пил сильно. Я за ним всегда ухаживала, за ним всегда ходила, где он пьянствует. Когда все надоело, я обратно приехала. В Русскиные из Сургута, потом домой. А когда у меня Лиля родилась, после этого с Толиком познакомились. Ну, как познакомилась... Замуж выдали.

Лиля и Лека

В бане — стиральная машинка в виде бака, приданое Юли. Юля пользуется ею прямо сейчас — заливает горячую воду, стирает детские кофточки, мужские майки. Достает косу из-под платка, мылит голову. Ее движения быстры, экономны и неосознанно осторожны. Зачерпнув воды из бака, она тут же доликает туда новой, немедленно стирает брызги пены с пола, застирывает испачкавшееся полотенце. Все должно быть так, как будто Юля сюда и не ходила.

— Прожили полгода. Он пришел из леса, у меня не была готова еда. И он меня побил. Вот ремень лежит, видишь? Цепи, бляшки костяные, им и бил. Лилю из дома выгнал, а был октябрь. Она снаружи плакала. Мне как в наказание не пускал ее в тепло. Я упала, встать не могла уже. Его родителям пришлось меня везти в Нумто. Говорят: покажи только ногу. Скажи, что дрова колола и чурбак отлетел. Не знаю, поверили ли. У меня вся спина синяя была, но я надела свитер. В ногу ставили уколы. Потом он не бил меня, а потом опять. Теперь я старюсь все вовремя готовить, все убирать, не раздражать ничем.

Куда мне уходить? К кому? Мой отец бьет мою мать. Всегда бил. Вику — сестру Толика — сейчас избил ее муж. Избил очень сильно. Операцию делали, потому что у нее лопнула печень. Она выжила. На шее синяки страшные. Но она хочет уходить от него, говорит: надоело, хватит мучиться.

Она говорит брату, чтоб он не бил меня, но все равно. Родители его знают, конечно, но для них это нормально, он имеет право, он мой муж. Наругали его только, когда он меня работать отправил, когда я Дашкой беременная была. Волочила бревно, надорвалась, думала, потеряю Дашу. Но ничего.

Толик сказал, если я попробую уйти, он застрелит меня.

Мне 22 года, у меня трое детей, я четыре года замужем. Я бы хотела учиться — очень, хотела работать — поваром. Но нет шансов переменить судьбу. Я неграмотная. Меня возят в Белоярский подписывать документы — а я не знаю даже, о чем речь. Все детские пособия оформлены на Толю. Младшую Дашу даже хотели на Толиных родителей переписать, что она и не моя, но у них не получилось. У меня и денег на руках нет. И маму я не оставляю. Хоть говорю ей: «Зачем ты меня из школы забрала?»

Уходя, Юля подбрасывает дров и тщательно отмывает пол.

Наташа и Юля
привезли воду

Белоярский. Слушания

Мест нет. Люди стоят в дверях и в проходах. Коренных и русских примерно поровну. Из Нумто большинство прилетели еще в «вертолетный день». Те, кто не попал на борт, добирались восемь часов на «Буранах», по заснеженному руслу реки. Все — в самых нарядных малицах, только подростки из Казымского интерната в джинсах и футболках. Шаман Кечимов, которого судят за попытку прогнать нефтяников с ружьем в руках, тоже приехал и сидит неподвижно. Выглядит почти светски — в сером костюме, очки в тонкой золотой оправе, длинные волосы забраны в аккуратный хвост.

Здесь же — чиновники администрации, сотрудники парка. Дорогие костюмы. Жарко. На стенах развешены цветные диаграммы — варианты зонирования. Главный вариант — вариант В, увеличивающий площадь освоения парка с 62 до 80%.

Начинает Евгений Петрович Платонов, начальник департамента экологии и мятежной Меркушиной. Меркушина тут же — смотрит на него и вежливо улыбается.

— Данный вопрос — он плановый, — обращается Платонов в набитый людьми зал. — Он не терпит стихийности, суеты. Мы нашли форму совместной деятельности, когда можно даже в условиях полной освоенности все-таки сохранить жизнедеятельность на территории...

Его поддерживает Татьяна Юрьевна Минаева, ученый, разработавший концепцию изменений охранных зон:

— Лицензионные участки — это каркас парка, с ними надо смириться. Можно отрабатывать передовые технологии...

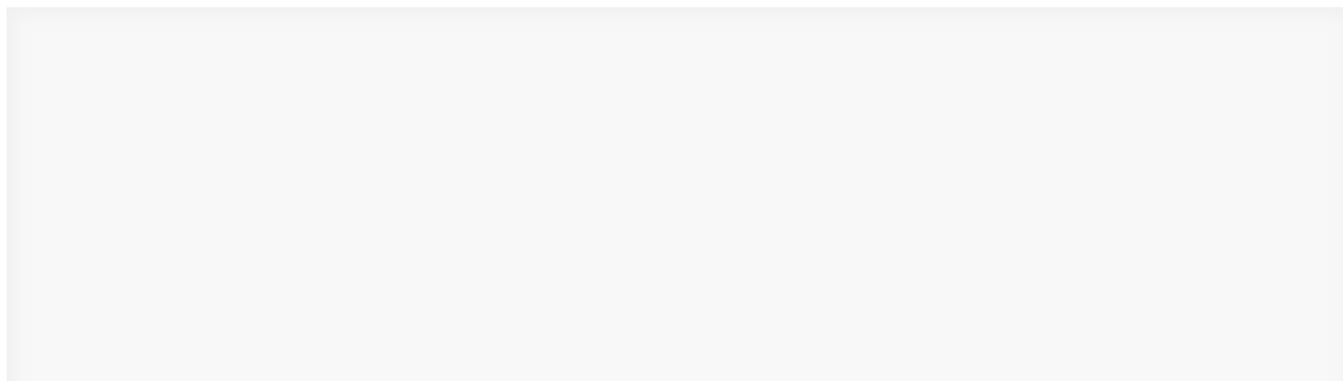
Слово берет и директор парка Сергей Юрьевич Лавреньев. Он подтянут и бледен.

— Будет выбита основа независимости коренного населения, — чеканит он. — Сейчас они чувствуют себя независимыми, живут в согласии с самими собой. Вот в последнюю минуту пришло письмо. Два доктора наук МГУ, Евсеев и Красовская: «В новой фазе общественного развития в центре стоит человек, ориентированный на экологические и гуманитарные перспективы...»

Толстый нефтяник постукивает пустой бутылкой. Говорит соседу:

— Ты понял? Они независимые. Не давать им больше ни «Буранов», ни газовок.

— Угу, и моторные лодки! Моторы! Электрогенераторы!

Малышкина начала с цифр:

— За время работы на территории природного парка Нумто компания инвестировала в экономику Белоярского района 21,7 миллиардов рублей, при этом добыто 4 миллиона тонн нефти. Только в прошедшем году в бюджет округа «Сургутнефтегаз» уплатил 85 миллиардов 604 миллионов рублей, что без малого составляет 40% бюджета. В каждом рубле округа — 40 копеек, заработанных «Сургутнефтегазом».

На этом слушания, в общем, можно было заканчивать. Но они продолжились.

Выступила и Татьяна Павловна Меркушина — как частное лицо. Объявила, никого не удивив, что исследование ученых «является односторонним, преследующим интересы и приоритеты прежде всего «Сургутнефтегаза». Ей никто не мешал.

Встал шаман Кечимов:

— Да-да. Я Кечимов Сергей Васильевич. Живу с шестого года у Русскинского месторождения. Охраняю Имлор. Вот. Тут говорит человек (шаман кивнул на Малышкину): «Мы чисто работаем, культурно». Нет. Я живу в нефти. Вот сейчас посмотрели бы фотки, как они нефть льют. Товарищи мои! Остановите их! Чтобы на Нумто они не прошли. Они просто людей обманывают. Сейчас у меня на территориях негде жить. Оленей негде выпасать. Они вокруг озера, даже на озере буровые стоят. Это культурные люди такие?

Начали говорить местные:

— Меня зовут Молданова Надежда Анатольевна, — поднялась молодая девушка. — Я общественный деятель и хотела бы... Я родом из деревни Юильск, у меня родственники проживают в деревне Нумто. Я хочу попросить «Сургутнефтегаз» оставить для молодежи все-таки эти территории. Мы не можем заставить наших детей собирать морошку среди нефти, которую вы разливаете.

— Мы исторически тут жили, вы что, хотите нас выгнать? — кричат из зала.

Обстановку разрядило выступление Николая Андреевича Аветова, биолога из МГУ: «Важно подчеркнуть крайне незначительную степень отчуждения нефтедобывающим комплексом площадей потенциального произрастания ситника стигийского... Ситнику ничего не угрожает! А единственная находка краснокнижного мха — псилопиума вогнутолистного — произошла на зарастающей площадке 4727...»

Вслед за ботаником поднялась маленькая хантыйка в сером костюме:

— Я Лягкова Анастасия Иосифовна, организация «Спасение Югры». Хочу сказать немножечко в защиту «Сургутнефтегаза». Мы сегодня с вами в современном мире. Не хотим отказаться от цивилизации. Не хотим отказаться от хорошего транспорта, от какой-то приближенности к нам цивилизованного мира. А они берут на работу наших молодых людей, детей тех, кто выступал, дают им возможность заработать — кушать-то всем хочется. Я сегодня была на предварительной встрече «Сургутнефтегаза» с местными жителями. Я даже, знаете, удивилась, что они знают коренных по имени-отчеству! (Фырканы в зале.) Надо не совсем нам отторгать!

— Сергей Данилович, из охраны парка Нумто. Да все равно люди будут ездить. Цивилизация продвигается.

Компьютеры, интернет. Это государственная машина, ее не остановишь. Сегодня стране нужны деньги. А деньги — это нефть и газ. Все хорошенько подумайте.

— Айпин Александр, член молодежной организации обско-угорских народов. Я также являюсь оленеводом — в Нижневартовском районе. Тут говорил Сергей Кечимов. У него есть фотки с Имлора, давайте их покажем. Кто «за», чтоб показать?

Зал поднимает руки.

— «За» проголосовали три человека, — говорит председатель. — Я так понимаю, что речь идет не о Нумто. И большинства, которое желало бы посмотреть фотки, я не увидел.

— Твари, — тихо говорит женщина рядом со мной.

— Я благодарен, что всех выслушали, — подводит итог ведущий. — Мы не принимаем никакого решения. Впереди государственная экспертиза.

Катерина

В конце слушаний председатель объявляет: «Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации за №829 от 10 декабря 2015 года награждается нагрудным знаком «Отличник охраны природы» Меркушина Татьяна Павловна».

Зал аплодирует.

Раскрасневшаяся Татьяна Павловна выходит и расцеловывается с главой района. Громче всех аплодируют нефтяники и Платонов.

— Я, конечно, очень удивлена...

— А мы нет!

В качестве «именинницы» Татьяна Павловна просит занести в протокол «необходимость этнологической экспертизы»: «И чтоб она состояла из коренных народов нашего округа и, в частности, которые проживают на территории Нумто. Специалисты там есть».

Вечером директор парка Сергей Леонидович Лавренев пьет коньяк с инспекторами в пустом здании заповедника. Фиолетовый галстук сбился на плечо.

— Хорошо, что этнографическую экспертизу продавили. Я завтра ученым позвоню. Мы свой проект зонирования сделаем, сами! Еще поборемся. Еще поборемся!

Взял гитару, затянул: «Виденья видали ночные у паперти северных гор, качали мы звезды лесные на темных глазищах озер». Инспектора подпевали.

Ханты и ненцы разошлись ночевать по родственникам, чтоб завтра выехать на «Буранах» вглубь леса, по заметенному руслу реки.

Лиля

Толик в Русскинские на гонки так и не поехал, призовые «Бураны» разыграли без него. Через неделю он забрал Юлю на день рождения к двоюродному брату. Праздник не задался, и ее избили втроем — Толик, его двоюродный брат и Юлина двоюродная сестра. Потом Толик попытался ее задушить.

Юля позвонила из леса, в шесть часов утра. Говорит: «Горло болит». Она дождалась, пока

Толик заснет, укуталась в малицу, взяла Дашу на руки, а пятилетняя Лиля шла за ней. Ее телефон оказался разбит, и она, уходя, прихватила трубку Толика. Она шла между болот и пыталась дозвониться до отца. Шел снег и скрывал ее следы. Оказалось, у отца недостаточно бензина, чтобы ее забрать. Мороз был -25. «Я боюсь, что я замерзну тут с девочками», — говорила Юля. Ей нужно было пройти 11 километров до дороги и попытаться поймать рейсовый автобус с нефтяниками.

Я звонила нефтяникам, которые могли оказаться рядом. «Да вы не нервничайте, — говорили нефтяники. — Это традиционная ситуация, и народ традиционный. Она дойдет».

Через два часа отец нашел запрятанную канистру с топливом и привез Юлю на родительское стойбище.

Через три дня приехал Толик и забрал ее обратно.

Ханты-Мансийск — Белоярский — Сургут — Ватлор-3 — деревня Нумто

Спецкор "Новой газеты" Елена Костюченко. Фотограф Юрий Козырев

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Елена
Костюченко.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)